ЯН ТОМАШ ГРОСС
при участии ИРЕНЫ ГРУДЗИНЬСКОЙ-ГРОСС

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

Ян Томаш Гросс

Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев

«Нестор-История»

2017

УДК 94
ББК 63.3

Гросс Я.

Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев / Я. Гросс — «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1205-6

Импульсом к созданию данной книги послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Треблинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтоженных в газовых камерах евреев. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике. «Золотая жатва» – не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины. Она ставит серьезные моральные и исторические проблемы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94

ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-1205-6

© Гросс Я., 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Ян Грабовский 6
Введение и благодарности 8
Что мы видим на снимке 10
О потребности называния 13
О том, что у «перехвата» еврейской собственности было много сторонников 15
Снимки и документация Холокоста? 19
Что происходило на земле лагерей смерти сразу после войны 21
Попытка нормализации 25
Бережливость 26
Эксплуатация лагерей уничтожения окрестным населением во время войны 28
Захват еврейской собственности простыми людьми 33
Замечания об убийстве евреев местными жителями 35
Об убийствах евреев крестьянами Келецкого края 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ян Томаш Гросс, Ирена Грудзиньская-Гросс
Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев

© Jan tomasz Gross, Irena Grudzińska-Gross, 2017
© Agencja Gazeta, фото, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

* * *

Золотой зуб, вырванный у трупа, всегда будет кровоточить…
Казимеж Выка
Жизнь для видимости

Ян Грабовский
Предисловие к польскому изданию

«Золотая жатва» – это книга об алчности, о грабежах, об убийствах и о мучениях, которые перенесли евреи. Дело происходит как бы «вокруг Холокоста» – там, где еврейские жертвы, отчаянно искавшие спасения, сталкивались с местным населением. И вот тут доходило до страшных преступлений – тем более страшных, что чаще всего они оставались без разоблачения и наказания. Очевидно, что вина за Холокост лежит на Германии. Но правда и то, что – как верно пишут авторы – единственный путь спасения для евреев проходил через контакты с местным населением. И именно тут события протекали драматично, нередко страшно и гибельно. Какую-то роль во всем этом, вероятно, сыграл предвоенный антисемитизм, но насколько стереотипы и идеология замешаны в сути описываемой трагедии, настолько же главным мотивом действий оказывается жажда грабежа. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике, пожирающие живых и мертвых евреев. Ибо жажда грабежа простирается и за могилу: свидетельство тому – территории лагерей смерти в Белжеце и Треблинке, тщательно перекопанные после войны сотнями сельчан, искавших среди останков жертв золотые зубы, драгоценности или колечки. «Золотая жатва» – не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины.

Как видно из текста, в какой-то момент после оккупации – трудно сказать, в какой именно, – наступил внезапный ценностный сдвиг там, где речь шла о евреях и обо всем еврейском. Это Ян Грабовский, профессор истории Холокоста в Университете Оттавы, соучредитель Польского центра исследований Холокоста. не был «точечный» процесс, касающийся каких-то конкретных «пораженных» районов или сел, но явление европейского масштаба: ведь убийства и грабежи происходили везде, где появлялись еврейские беженцы от нацизма. Просто-напросто в какой-то день или неделю, где-то летом или осенью 1942 г., внезапно стало ясно, что уже *всё можно*. Если воспользоваться химической метафорой, наступила своего рода «сублимация агрессии». Сублимация, т. е. возгонка из твердого прямо в газообразное состояние, минуя жидкое. Именно такая сублимация агрессии в отношении евреев происходила повсюду на территории оккупированной Польши. Предвоенная неприязнь к евреям, выталкивание их на границу общественной жизни или даже за эту границу – всё это внезапно перешло в физическое уничтожение или в согласие с ним. Преступления сопровождались отсутствием чувства вины. Откуда бы взяться этому чувству, если в глазах столь многих евреи перестали быть людьми, а превратились в дичь, травимую с азартом и лютостью? Цитируемый в книге Здзислав Клюковский так писал в своем «Дневнике из лет оккупации Замойщины» о ликвидации гетто в Щебрешине: «Некоторые принимали личное участие в травле и выслеживании евреев. Указывали, где скрывались евреи, молодые люди гонялись даже за маленькими еврейскими детьми, которых [польские] полицейские убивали у всех на глазах». Станислав Жеминьский из Лукова записывал по свежим следам: «В Тшебишове какие-то гражданские стражники, местные крестьяне, патрулирующие ночью от бандитских нападений, получили приказ схватить всех местных евреев и доставить их в Луков. Евреев вытаскивали, хватали в полях и лугах. Еще гремели выстрелы, а наши гиены уже искали, что украсть из оставшегося от евреев».

Масштаб этого явления поразителен: в свидетельствах уцелевших евреев и в послевоенной архивной документации (еще недавно известной лишь узкой группе специалистов) обнаруживаются тысячи и тысячи жертв, погибших «на периферии Холокоста», выданных немцам или убитых местным населением. Те, кто хотели чем-то помочь евреям, бросали вызов не только оккупантам, но и всем согражданам, для которых «неарийское население» осталось за чертой сферы взаимных обязанностей. Речь идет не только о людях темных, прими-

тивных, легко поддающихся аргументам зла. Винцент Соболевский, врач из-под Сандомира, образованный человек, столп местного общества, 29 января 1943 г. записал в своем дневнике: «Поскольку Господь Иисус дал евреям почти две тысячи лет на исправление, но увидел, что они и дальше остались при своих бреднях, то послал на них кару. Как они пролили кровь Невинного, так теперь их друзья немцы, с которыми они столько зла рассеяли по свету, теперь убивают их. Божьи жернова мелют медленно, но верно».

«Золотая жатва» – это страшная книга, но до боли правдивая и нужная.

Введение и благодарности

Фотография, послужившая толчком к написанию этой книги, впервые была опубликована в «Газете Выборчей» (Gazeta Wyborcza) – за 8 января 2008 г.[1] Она произвела на меня тогда огромное впечатление, и я не понимал, почему она совершенно не вызвала читательских откликов. Она принадлежала одному из жителей Волки-Округлик – местности, находящейся около Треблинки, и изображает окрестное население вокруг черепов и костей, вырытых на поле, оставленном лагерем. Когда затем, годом позже, я получил предложение от Oxford University Press написать небольшую книжку для серии, запланированной этим издательством, – эссе об одном из снимков, относящихся к той сфере, которой занимается автор, – я сразу подумал об этой фотографии. Работая над книгой, я много разговаривал на эту тему с Ireной Грудзиньской-Гросс, и мы решили, что Ирена запишет свои соображения, а книгу мы выпустим вдвоем. Опирался я также на оригиналы документов, которые стали мне доступны через профессора Яна Грабовского. Мы уже опубликовали совместно два сборника документов по теме Второй мировой войны, так что наше сотрудничество было долгим. Таково происхождение «Золотой жатвы».

Что касается содержания книги, хотелось бы только отметить во введении, что читатель, интересующийся проблематикой Холокоста, не найдет в ней много новых фактов. Основные источники, на которые опирается книга, уже были опубликованы на польском языке. я прибавил к ним материалы, обнаруженные в архивах Института Яд ва-Шем, Еврейского исторического института и Музея в Майданеке. В тексте использованы несколько фрагментов, опубликованных пару лет назад в «Страхе»[2]. Кроме того, с момента в 2005 г. когда в Варшаве начал издаваться знаменитый ежегодник «Холокост. Исследования и материалы» (“Zagłada żydów. Studia i Materiały”) и книги авторов, связанные с этим изданием, а также с Центром исследований Холокоста Института философии и социологии Польской Академии наук, объем сведений о судьбе евреев Польши в годы оккупации значительно расширился, и в новом каноне больше нет никаких табуированных тем. Всё же я надеюсь, что если не для историков Холокоста, то для широкой общественности книга окажется интересной.

По обычаю, хотел бы вместе с моим соавтором поблагодарить друзей и университетских коллег за указания, поправки, помощь в сборе материалов, языковую правку и поощрения в написании этой книги по-польски и по-английски: Анну Биконт, Терезу Богуцкую, Габриэля Этмекцоглу, Романа и Галину Фридман, Яна Грабовского, Роберта Кувалка, Марцелла Лозинского, Скотта Мойерса, Джонатана Шелла, Алину Скибинскую, Иоанну Щенстну,

[1] Этот снимок впервые был показан широкой общественности вместе со статьей «Золотая лихорадка в Треблинке», которую написали журналисты Петр Глуховский и Мартин Ковальский (Большой Формат: Приложение к «Газете Выборчей». 2008. 8 января). Они сообщают, что обнаружили фотографию в одной из халуп в Вольке, местности около Треблинки, и что она была сделана после акции, в которой войско задерживало крестьян, перекапывающих территорию лагеря в поисках золота и драгоценностей. Задержанных крестьян называли «копателями». Сейчас снимок находится в Музее борьбы и мученичества в Треблинке. По другой правдоподобной версии, люди, изображенные на фотографии, согнаны для приведения в порядок ранее раскопанных могил. Однако трудно игнорировать информацию журналистов «Газете Выборчей», согласно которой, владелец снимка однозначно назвал изображенных на снимке «копателями, схваченными милицией». Известно также, что приведением в порядок территории Треблинки власти не занимались до 1958 г. (а снимок, без сомнения, относится ко второй половине 1940-х гг.), но даже тогда милиция и люди, занятые наведением порядка, охотно включались в поиски золота. Что касается интерпретаций, связывающих фотографию с другими обстоятельствами, например, с эксгумацией могил красноармейцев – как пытаются утверждать Михал Маевский и Павел Решка, авторы статьи «Загадка старого снимка» (Речь Посполитая. 2011. 22–23 января; в приложении «Плюс-Минус» от того же дня статья тех же авторов «Тайна старой фотографии»), – то они не подкреплены никакими вещественными доказательствами.

[2] *Gross J. T.* Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków: Znak, 2008. (*Гросс Я. Т.* Страх. Антисемитизм в Польше сразу после войны. История морального упадка. Краков: Знак, 2008).

Иоанну Токарскую-Бакир, Войцеха Волынского, а также Мацея Габлянковского, редактора издательства «Знак», который подготовил эту книгу к печати.

Принстон – Нью-Йорк, 1 ноября 2010 г.

Что мы видим на снимке

На первый взгляд, картина на фотографии кажется хорошо знакомой: крестьяне во время жатвы отдыхают от работы. Орудия на плечах или поставленные на торец служат им опорой, а перед группой, запечатленной на снимке, лежат сложенные на землю плоды.

У многих из нас такие снимки остаются в альбомах после летних каникул, проведенных в деревне у близких или дальних родственников; другие привезли их из харцерского (пионерского) лагеря в глубокой провинции, где они помогали на сенокосе. Каждый год летом на первых страницах газет в коммунистических странах такими снимками отмечались успехи коллективного хозяйства. Более или менее художественно выполненные варианты таких сцен можно было увидеть в музеях и картинных галереях.

И однако, несмотря на буколическую картину (группа мужчин и женщин, занятых разговорами на лоне природы), фотография вызывает тревогу. Не только потому, что она нерезкая или что рядом с гражданскими лицами стоят люди в форме. То, что мы видим, – знакомое, и вместе с тем какое-то чужое. Если бы, например, вместо хвойных деревьев на заднем плане были пальмы, можно было бы подумать, на худой конец, что снимок сделан в пустыне. А когда под конец мы видим, что плоды, сложенные у ног сфотографированной группы, – ни более ни менее как человеческие черепа и кости – мы чувствуем себя еще более растерянными. Кто эти женщины и мужчины на снимке и чем они занимаются? Откуда это фото?

Сделанный вскоре после окончания Второй мировой войны, в середине XX в., снимок представляет групповую сцену где-то в центре Европы. На фотографии рядом с группой мазовецких крестьян увековечен холм из праха 800 тыс. евреев, убитых в газовых камерах или сожженных в Треблинке с июля 1942 по октябрь 1943 г. Европейцы, которых мы видим на снимке, по-видимому, занимались раскапыванием человеческих останков в поисках золота и драгоценностей, которые проглядели нацистские убийцы: это кропотливое занятие, так как, по рассказам палачей, они скрупулезно заглядывали еврейским трупам во все отверстия тела и вырывали золотые зубы.

© Agencja Gazeta, Музей борьбы и мученичества в Треблинке (отдел регионального музея в Седльце)

Зрелище, кажущееся таким мирным, касается двух центральных тем Холокоста: массового убийства евреев и сопутствующего грабежа еврейского имущества. Что оба явления были между собой неразрывно связаны – об этом достаточно свидетельствуют разговоры в *anus mundi*, в газовой камере Освенцима, между заключенным Филиппом Мюллером, для которого это был первый день работы по обработке и уничтожению трупов, и эсэсовским надзирателем.

После того как транспорт словацких евреев весной 1942 г. был отправлен в газовую камеру, заключенные из зондеркоманды, обслуживавшей крематорий, получили приказ снять одежду с убитых.

> Передо мной лежал труп женщины. Весь дрожа, трясущимися руками я начал снимать с нее чулки. Впервые в жизни я прикасался к покойнику. Тело было еще теплым. Чулок, который я стягивал с ноги, порвался. [Эсэсовец] Штарк, наблюдавший за этим, ударил меня с криком: «Что ты творишь, смотри, что делаешь, эти вещи еще можно использовать»[3].

Первый комендант лагеря смерти в Собиборе, а позже в Треблинке, Франц Штангль, на вопрос американской журналистки Гиты Серень: «Как вы в то время думали, что было причиной уничтожения евреев?» – ответил: «Хотели забрать их деньги. Понимаете ли вы, какие фантастические суммы входили в игру?» Ведь прибыльность всего предприятия не была безразлична для тех, кто его осуществлял. Глава СС и полиции в Люблине Одило Глобочник, руководивший операцией «Рейнхард» (секретное название в честь убитого чешскими подпольщиками обер-полицмейстера Рейнхарда Гейндриха, именем которого была названа инициатива по истреблению всех евреев в Генерал-губернаторстве[4]), вызвал Штангля в середине авгу-

[3] *Müller F.* Eyewitness Auschwitz. three Years in the Gas Chambers / tłum. z niem. I. R. Dee, S. Flatauer Chicago: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1999. P. 12.

[4] То есть Варшавское генерал-губернаторство – часть Польши, не включенная непосредственно в состав Германии после сентября 1939 г. – *Прим. перев.*

ста 1942 г. и дал ему следующую инструкцию: «Поедешь в Треблинку. Мы туда отправили уже сто тысяч евреев, а еще не получили ни вещей никаких, ни денег. Хочу знать, в чем дело…»[5]

Штангль очень хорошо справился с поручением, и вскоре из Треблинки начали уходить транспорты с вещами убитых евреев. Кроме бижутерии, драгоценностей и денег в разных валютах, из лагеря было отправлено «всего более тысячи вагонов, груженых вещами убитых. Экспедиционная отправка вагонов происходила на станции Треблинка после того, как армейские уполномоченные получали от эсэсовцев сопроводительные листы»[6].

Эти вагоны должны были отправлять польские железнодорожники, удостоверившись, что их содержимое соответствует описи. Поэтому сведения Франтишека Зомбецкого, дежурного по движению на станции Треблинка, чрезвычайно детальны:

> В вагоны были погружены мужские пальто, связанные по несколько штук, отдельные мужские костюмы, пиджаки, белье, отдельно детская одежда и дамские костюмы, платья, блузки, свитера старые и новые, шляпы, шапки, отдельно мужские сапоги с голенищами, полусапожки мужские, дамские и детские. Белье мужское, дамское, детское, отдельно – использованное и новое, даже подушки и конверты для младенцев. <…> В сумки сложены карандаши, авторучки и очки; трости и зонтики связаны в отдельные пачки. Целые сумки также наполнялись катушками ниток всех сортов и цветов. Отдельно связали куски кожи для обуви, твердой кожи для подметок, материалы для одежды, портфели. В картонные коробки упаковали приборы для бритья, бритвы, ножики, машинки для стрижки, зеркальца, даже кастрюли всякого рода, тазы, столярные инструменты, пилы, рубанки, молотки, в общем – всё то, что могла привезти в лагерь толпа в несколько сот тысяч людей <…>. В вагонах высыпалась также масса волос после стрижки женщин. Груз этих вагонов определялся как военная пересылка: *Gut der Waffen SS*. Вагоны направлялись в Германию, а иногда на адрес «трудового лагеря СС» в Люблине[7].

Именно там находилась штаб-квартира Глобочника и штаб операции «Рейнхард».

Сам Глобочник относился к своей роли стража награбленного еврейского имущества, как лис – к охране курятника. Пост шефа полиции в люблинском округе Генерал-губернаторства был для него вторым шансом на карьеру в нацистской иерархии, после того как его выгнали из штата венского гаулейтера… за коррупцию. Молниеносное разграбление венских евреев сразу же после аншлюса Австрии было первой мастерски проведенной акцией «аризации», т. е. захвата еврейского имущества, в которой показал свои способности Адольф Эйхман, а первым помощником его был – как видим, чуть-чуть излишне в собственных интересах – Глобочник. Пару лет спустя оба войдут в число виднейших исполнителей «окончательного решения еврейского вопроса». Генрих Гиммлер, шеф полиции и СС в Третьем Рейхе, питал к Глобочнику особую слабость. «Дорогой Глобус, – писал он, допуская уменьшительное обращение в официальной переписке, – получил твое письмо от 4 ноября 1943 г. с рапортом о завершении операции “Рейнхард”…»[8]

---

[5] Цит. по: *Sereny G.* Into that Darkness. From Mercy Killing to Mass Murder. new York – St. Louis – San Francisco: McGraw Hill Book Company, 1974. P. 101, 133.

[6] *Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1977. S. 73.

[7] Ibid. S. 72.

[8] *Blatt T.* Sobibor. the Forgotten Revolt. A Survivor's Report. Issacuah WA, H.E.P., 1998. P. 92.

О потребности называния

Целью этой операции, как мы уже говорили, было уничтожение всех евреев в Генерал-губернаторстве. Как назвать такой замысел? Мы принадлежим к поколению, не видевшему Холокоста собственными глазами, и можем получить знание о нем (притом никогда не окончательное) лишь посредством слов. Но трудно найти такие слова. У погибших голоса нет, а те, что выжили, самим своим свидетельством заключены в молчание. Зрелище насилия, жертвами которого они были в концлагерях, во время попыток скрыться, голода, пыток, разрушало человеческий контакт с реальным миром. Их свидетельство в немалой мере невыразительно, так как боль и физическое насилие разрушают язык, отбрасывая человека в доязыковое состояние[9].

Но травма – состояние после боли – остается и требует выражения. Ибо то, что **страшно**, страшит до тех пор, пока у него нет настоящего названия. Когда оно получает имя, то отдаляется от нас, уплывает, перестает быть нашим кровным делом, не точит нас так, как точило до наречения имени, потому что вновь обретает контакт с реальностью.

> То, что нацисты сделали с евреями, было неописуемо, – писал Теодор Адорно в *Minima Moralia*, – но все-таки дóлжно найти выражение, если жертв, которых и так слишком много, не хотят отдать проклятию забвения. В английском языке используется понятие «геноцид»[10]. Но по определению, записанному в Международной декларации прав человека, невыразимое осталось – во имя протеста – ополовиненным. Повышения до ранга понятия удостоена лишь возможность: институт, находящийся под запретом, отвергаемый, оспариваемый[11].

Адорно здесь говорит о потребности и последствиях называния в публичном, институциональном языке: преступление требует своего параграфа, хоть этот параграф никак не делает его «нормой». Пауль Целан также часто требовал названия, говоря, что название заново определяет случившееся. В публичном – не институциональном – языке, в статьях и рассуждениях историков, в дискуссиях публицистов **страшные** вещи обозначаются эвфемизмами, которые, если повторить вслед за Иоанной Токарской-Бакир, исполняют роль уникальных понятий.

В частной жизни мы тоже не можем вот так просто говорить о **народоубийстве**. Когда мы сталкиваемся с описаниями истреблений из давнего или недавнего прошлого, а тем более из современности, первая наша реакция – отторжение. Память хранит сведения об этих событиях в каких-нибудь дальних закутках, а на первый план выходит другая история – история человеческого геройства и солидарности. Вести о Холокосте напоминают нам не только о смерти, но и о людском зверстве. А зверство окружено многими кругами запретов. Это одна из причин, из-за которых постоянно всплывает тема невыразимости Холокоста: речь о нем – никогда не прямая, но всегда как-нибудь не так сформулированная. Эта тема так горяча, что одно прикосновение к ней уже обжигает.

На первый взгляд, снимок из Треблинки не касается того, о чем мы сейчас говорим. Как уже упоминалось, сцена похожа на иконографию жатвы: окончание работ, еще не праздник урожая, но уже отдых. Белые платки на головах женщин, белые рубашки мужчин, солнечный свет, земля словно вспахана. Но это только на первый взгляд.

---

[9] *Scarry E.* the Body in Pain. the Making and Unmaking of the World. Oxford: Oxford University Press, 1985.

[10] Этот термин – «геноцид» – был создан польским юристом еврейского происхождения Рафалом Лемкиным (1900–1959), потерявшим в годы войны большую часть своей семьи. Его стараниями Генеральная ассамблея ООН приняла в декабре 1948 г. Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений геноцида.

[11] *Adorno T. W.* Minima Moralia. Refleksje z poharatanego życia / tłum. M. łukasiewicz. Kraków: Wyd. Literackie, 1999. S. 303.

Хороший снимок, по словам Сюзан Зонтаг, обладает силой максимы, цитаты или пословицы[12]. Он схватывает реальность и предъявляет ее нам. В этом смысле снимок из Треблинки нехорош, так как его значение нелегко понять. Его нужно разгадывать и интерпретировать. Главное – кости и черепа – хоть и на первом плане, но как бы скрыто, неясно. Непонятны и скрытые мысли, чувства людей, собравшихся вокруг этих костей. Мы не знаем, кто был автор этого кадра и с какой целью он снимал. Судя по качеству снимка, он не был профессиональным фотографом – что, впрочем, прибавляет снимку подлинности: мы видим в нем документ. Судя по мундирам и видам оружия, это сороковые годы. От закрытия лагеря смерти прошло уже довольно много времени: черепа и кости чистые.

Ситуация на снимке наполовину официальна: крестьян (вероятно, это жители окрестностей Треблинки) окружают вооруженные солдаты или милиционеры, но между обеими группами не видно напряжения или конфликта. Люди в форме стоят близко к гражданским, хотя и не смешиваются с ними. Люди заняты тем, что позируют, меняются местами с соседями, заканчивают какой-то разговор. Не видно напряжения и в их отношении к черепам и костям, аккуратно разложенным перед сидящими. Никто на них не смотрит. Что-то происходит в центре группы: больше людей глядит в ту сторону, чем на фотографа. Может быть, там еще не были готовы, еще не организовались («подвинься»?). Каждым своим жестом (и словом) они подтверждают нормальность своего положения: расстановка, разговор. Эту сцену должен был сопровождать немалый гвалт (и кладбищенский запах). Вот, собрались после рабочего дня, после успешных трудов, расселись для фотографии. Достаточно спокойны. Устали.

Вопреки нынешним обычаям, никто не улыбается в объектив. Все серьезны, недоверчивы. Наверняка до сих пор их нечасто снимали; может быть, их беспокоит, что будет дальше с этой фотографией? Может быть, это улика их присутствия на месте осквернения кладбища? Однако они естественным образом встали в полукруг, как на традиционных групповых снимках – например, после сборов. Эти крестьяне из ближней округи, скорее всего, были пойманы с поличным при перекапывании земли в поисках еврейского золота и драгоценностей, либо их пригнали, чтобы выровнять грунт после тех, кто копал раньше. Если представить себе эту фотографию опубликованной в коммунистической прессе, подпись гласила бы: «После работы».

[12] *Sontag S.* Regarding the Pain of Others. new York: FSG, 2003. P. 22.

О том, что у «перехвата» еврейской собственности было много сторонников

Явление, о котором напоминает наш снимок, – грабеж еврейского имущества – начинается в Европе, оккупированной нацистами, задолго до уничтожения евреев. В целом связь евреев с деньгами, с золотом – это, наряду с образом еврея-богоубийцы, самое частое антисемитское клише. У обоих признаков есть общий «троп» – еврея-кровопийцы. В переносном смысле это также «еврей-эксплуататор», как и «еврей – ритуальный убийца» невинных христианских младенцев. Помимо разных вариантов темы еврейских заговоров – например, что евреи кому-то «всадили нож в спину» или превратились в рассадник большевизма, – антисемитская пропаганда издавна использовала штамп «еврейского экономического засилья» (как и захвата правительств, которые, по представлениям антисемитов, были осаждены евреями), чтобы освободиться от еврейской «неволи»[13].

Грабеж еврейского имущества затронул германских, чешских и австрийских евреев, подвергшихся так называемой «аризации» еще до того, как Гитлер развязал войну. Как пишет историк об этом аспекте политики национал-социалистов, «это был один из крупнейших трансфертов собственности в наше время»[14].

Экспроприация происходила двумя путями: с помощью юридических актов об изъятии собственности евреев (аризация в прямом значении слова) и через манипуляцию зарплатами, налогами и курсами обмена валют в контексте политики вынужденной эмиграции, объектом которой было еврейское население в Третьем Рейхе. Одним из самых последовательных бюрократов в этой сфере стал Адольф Эйхман. И именно с помощью опыта, полученного в этой сфере, позже была организована чрезвычайно эффективная система отправки евреев в лагеря смерти.

Правила, целью которых было ограбление эмигрантов, ужесточались со временем. К примеру, те, кто решил эмигрировать еще до начала войны (для многих евреев сигналом к выезду стала «Хрустальная ночь» в ноябре 1938 г.), могли забрать с собой лишь очень небольшую часть – всего лишь несколько процентов – имущества, накопленного поколениями предков.

Из этого извлекали выгоду не только конкретные лица, к которым переходил титул собственника, но и административный аппарат НСДАП, для которого аризация создала, помимо всего прочего, возможность материально обеспечить верных товарищей по партии. Пользуясь выпавшим случаем, гауляйтеры позаботились о состоянии партийной кассы и лояльности широкого круга чиновников, банкиров и юристов, которым поручалось посредничество в соблюдении формальностей. По наблюдению историка экономики, наблюдавшего это явление в Гамбурге, «хотя национал-социалистское государство получало большую часть выгоды от процесса “аризации”, но никакой другой аспект антиеврейской политики нацистов не привлекал столько людей, которые вдобавок получали от этого личную выгоду». Это можно сказать и обо всем пространстве оккупированной Европы[15].

Аспект «аризации», связанный непосредственно с темой нашего снимка, – конфискация благородных металлов, которыми располагали евреи. На эту тему была издана целая серия распоряжений, и в итоге в марте 1939 г. был объявлен принудительный выкуп через государствен-

---

[13] Фальшивка о том, как евреи пытаются овладеть миром. См., напр.: *Segel B. W.* A Lie and a Libel. the History of the Protocols of the Elders of Zion. Lincoln – London: University of nebrasca Press, 1995.

[14] *Bajohr F.* the Beneficiaries of “Aryanization”. Hamburg as a Case Study // Yad Vashem Studies. 1998. n 26. P. 173.

[15] Ibid. P. 201.

ные конторы всего золота, серебра и платины, находившихся во владении евреев[16]. Оценка сдаваемых вещей была еще одним поводом обобрать евреев.

Помимо того, что благородные металлы использовались как средство платежа для зарубежных закупок (немецкие марки в то время не принимались), они были необходимы и как сырье в некоторых важных секторах военной промышленности. В течение всей войны немцы не испытывали недостатка в этих материалах. Почти всё золото Рейхсбанка происходило из запасов награбленного, хранившихся в государственных банках оккупированных стран. «“Только” около 15 % запасов происходило от грабежа частных лиц или фирм»[17].

Ценности, изъятые у жертв, отправленных в концлагеря во время войны, доставил в Рейхсбанк «гауптштурмфюрер СС Бруно Мельмер в 76 транспортах начиная с августа 1942 и до конца 1944 года. В них входили ценные предметы, а также зубопротезный материал, отнятый у депортированных или снятый с трупов убитых». Документация этих операций далеко не полна, но можно установить, что Рейхсбанк, регулируя свои отношения со швейцарскими кредиторами, использовал для этого и золото из транспортов Мельмера[18].

Но так называемое «золото Мельмера» – это лишь часть ценностей, награбленных у евреев. 6 августа 1941 г. немецкие власти наложили контрибуцию в размере полумиллиона марок на всех евреев, принудив их таким образом внести в Литовский Банк 2400 предметов из драгоценных металлов общим весом 10 449 кг. Например, в июле 1942 г., «еще прежде чем Мельмер начал свою деятельность, СС рапортовало из Варшавы Генриху Гиммлеру, что уже две тонны золота, добытого в городе и окрестностях, были отправлены в Люблин [где, как мы помним, находился главный штаб операции “Рейнхард” под руководством Глобочника. – *Я. Г.*], и что еще 629 килограммов собрано»[19]. В этом отношении Варшава и Вильнюс никак не были исключением.

Ценности, награбленные в лагерях смерти, были запятнаны в прямом и переносном смысле. Практикантка на заводе по литью благородных металлов в Рейникендорфе много лет спустя вспоминала присылаемые в переплавку зубные коронки и мосты, иногда даже с зубами, оправленными в металл. «<…> Особенно угнетало то, что всё там выглядело, словно только что выломанное из челюсти. Зубы, иногда даже со следами крови и кусочками десен…»[20] В придачу к тому, что «еврейское золото» было в каком-то кошмарном симбиозе со смертью, добавим, что предприятие, обладавшее правительственной концессией в Третьем Рейхе на переплавку, обработку и вывоз за границу так называемых «еврейских металлов», – «Дегусса» – владело также патентом на производство «прусской кислоты», или «Циклона Б», использовавшегося для уничтожения почти миллиона евреев в газовых камерах Освенцима.

Навязчивые антисемитские бредни Гитлера не сводились только к стремлению захватить еврейскую собственность, хотя, надо признать, он и этим не брезговал. Вот один из примеров. Когда один из артистов, которому Гитлер оказывал протекцию, весной 1942 г. был поставлен во главе Мюнхенской оперы, начальник канцелярии НСДАП Мартин Борман направил бургомистру этого города письмо: «Сегодня я проинформировал фюрера о письме, которое получил от директора Крауса. Фюрер хотел бы, чтобы вы еще раз выяснили, не осталось ли каких-нибудь еще еврейских имуществ, которые пригодились бы для новых работников баварской

---

[16] В Германии евреям было разрешено оставить себе только обручальные кольца, одни серебряные часы, зубные протезы из благородных металлов и два комплекта уже использованных столовых приборов – по одному ножу, вилке, суповой ложке и десертной ложечке на одну персону. См.: *Hayes P.* From Cooperation to Complicity. Degussa in the third Reich. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 159.

[17] Ibid. P. 169, 175, 188.

[18] Ibid. P. 181, 183.

[19] *McQueen M.* the Conversion of Looted Jewish Assets to Run the German War Machine // Holocaust and Genocide Studies. 2004. Wiosna. P. 30; *Hayes P.* From Cooperation… P. 193.

[20] *Fielder E., Merz O.* Zeugen des Grauens. teil 2: Der SS-Buchhalter Melmer // television ARD. Report. 1998. 12.10. Цит. по: *Hayes P.* From Cooperation… P. 193.

национальной филармонии»[21]. В свою очередь Альфред Розенберг, который в качестве главы «Операционного штаба Розенберга» (Einsatzstab Rosenberg) надзирал за разграблением еврейской собственности в оккупированной Европе, писал Гитлеру в апреле 1943 г.:

> Мой фюрер, вместе с пожеланием счастья ко дню рождения позволю себе прислать альбом со снимками некоторых самых ценных картин из бесхозного еврейского имущества, которое охраняют мои коммандо в оккупированных западных странах. Этот альбом поможет вам в какой-то мере представить себе необычайную ценность и количество произведений искусства, добытых моим учреждением во Франции и отосланных в целости и сохранности в Рейх[22].

Однако идеологическая версия нацистского антисемитизма была поднята до наивысшей ступени взгляда на историю как на цепь заговоров и презрения к эксплуататорам, корни которого уходят в социал-дарвинизм. А когда нормы, обеспечивавшие равноправие, были разрушены, то практика государственных учреждений, созданных для дискриминации, постепенного ограбления и вытеснения евреев со своих позиций открыла путь социального продвижения и материальной выгоды для остального населения. Таким путем государственный антисемитизм становится автономным – в форме разнообразных шансов для улучшения бытовых условий всех, кто не евреи.

Этот опыт выглядит неодинаковым для Третьего Рейха и для оккупированных либо зависимых от Германии стран. По-своему обстояло дело в Польше, по-своему – во Франции, Венгрии или Греции, но местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма «перехвата» (przewłaszczenie)[23] и перераспределения еврейской собственности в пользу арийцев.

В странах оккупированной Европы мы имеем дело, с одной стороны, с эксплуатацией и притеснением захваченной страны в целом, а с другой – с различиями во внутренней политике, со всеобщей и полной дискриминацией евреев, плодами которой пользовалась в большей или меньшей мере остальная часть общества – «широкие слои» или «бóльшая часть», по выражению Яна Карского[24]. В Германии, пишет Саул Фридлендер, «в течение двенадцати лет существования Третьего Рейха основой антиеврейской кампании был грабеж еврейского имущества. Это был самый легко понятный и легко приемлемый элемент, лучше будет – оправданный, если нужно, с помощью простейших идеологических аргументов»[25].

Ведь европейское общественное мнение готово было согласиться с дискриминацией евреев. Не говоря уже о самой гитлеровской Германии, например, во Франции половина политических формирований перед войной выдвигала антисемитские лозунги. В предвоенной Польше, Румынии или Венгрии политический антисемитизм был распространен еще больше. А если дополнить эту картину антисемитизмом христианских костелов и церквей, вспомнить об их огромном общественном авторитете, то трудно удивляться, что устранение евреев из экономической жизни воспринималось как элитами, так и широкой общественностью во всей Европе с удовлетворением.

---

[21] *Friedländer S.* Czas eksterminacji. nazistowskie niemcy i żydzi, 1939–1945 / tłum. S. Kupisz, K. Masłowski, A. M. nowak. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2010. S. 439.

[22] Ibid. S. 551.

[23] Профессор Ян Грабовский – автор этого удачного неологизма.

[24] «Решение немцами еврейского вопроса – могу это утверждать с полной ответственностью за свои слова, – писал Ян Карский, – было важным и весьма опасным оружием немцев для морального умиротворения широких слоев польского общества. <…> …Этот вопрос, однако, создает нечто вроде узкого мостика, на котором единодушно [выделено автором. – *Я. Г.*] сходились немцы и немалая часть польского общества». Полный текст отчета Яна Карского, написанного во время курьерской миссии на рубеже 1939 и 1940 гг., читатель может найти в журнале «Говорят Века» (Mówią Wieki) от ноября 1992 г. или в «Новейших Делах» (Dzieje najnowsze. 1989. n 2. S. 179–200).

[25] *Friedländer S.* Czas eksterminacji. S. 567.

Завоевать положение в обществе и благосостояние собственными усилиями – очень трудно и долго. Гораздо легче просто отнять добро, уже накопленное другими – под прикрытием закона, оправдывающего такие действия.

Снимки и документация Холокоста?

О фотографии обычно говорят, что как аргумент она стоит тысяч слов. В то же время сведения, которые она нам дает, совершенно уникальны: она фиксирует долю секунды между открытием и закрытием заслонки объектива. Что же в таком случае позволяет оценить единичное событие как способ заглянуть в суть дела? Поступая так, становимся ли мы жертвами иллюзии или совершаем злоупотребление? Ведь попросту, когда мы смотрим на снимок – например Гитлера, принимающего парад членов партии на съезде в Нюрнберге, – мы понимаем, что получаем *общее* знание о природе национал-социализма; и то же происходит, когда мы видим фотографию раздетых догола людей, которых расстреливают эсэсовцы.

В основе такого познавательного механизма лежат уже ранее полученные сведения о мире, подсказывающие, что единичная ситуация коренится в широком потоке событий и что эти события подчиняются какому-либо порядку. Жизненный опыт убеждает, что всё происходящее обычно имеет какой-либо смысл и что общественная жизнь, о которой идет речь, не есть цепь случайных и независимых друг от друга событий, вроде серии счастливых лотерейных билетов, вынутых подряд из шапки. Между тем, что случилось чуть раньше, и тем, что следовало за ним, существует некая связь. А потому, кроме единичного события, служащего исходным пунктом рассуждений историка, только некоторые события могли произойти на интересующем нас участке пространства и времени, а другие – скорее всего, нет.

Перед лицом единичного факта мы всегда можем спросить: ну и что с того? Конкретное событие – только исходная точка, с которой начинается выстраивание знания об общих вещах. Но вернемся к одному особому аспекту отношений между общим знанием и единичным фактом. Вот доля секунды, один снимок, единственное свидетельство, и оно обладает ошеломляющей разоблачительной силой, позволяющей в мгновение ока перевернуть установившуюся версию событий – на том самом основании, на котором одно свидетельство, один противоположный пример в естественных науках принуждает отказаться от господствовавшей до того теории или доказанного индуктивного утверждения.

Когда мы пишем о Холокосте, нужно обратить особое внимание на сложность отношений между конкретными фактами и общим знанием, так как мы больше, чем другие исследователи современности, пользуемся личными документами – данными об индивидуальных судьбах: снимками, дневниками, письмами, записями и свидетельствами перед судом или перед учреждениями, занимавшимися после войны увековечением памяти об эпохе. Поскольку различные организации во время оккупации камуфлировали свою деятельность и заметали следы своих деяний, нет полноценной институциональной документации многих существенных событий того времени. Немцы хотели сделать Холокост бесследным. В таком случае возникает вопрос, на который нужно найти убедительный ответ: как трактовать **эпизодические** свидетельства, касающиеся лишь **некоторых** событий, чтобы понять то, что произошло в целом? Каким образом информацию о судьбах **конкретных людей** превратить в **знание об эпохе**?

Столкнувшись с такими проблемами, гуманисты разработали методологию критики источников. Но поскольку события, о которых заходит речь в теме Холокоста, по своей природе экстремальны, документация времен войны, оккупации и массовых преступлений отрывочна и нередко скомпонована злонамеренно, поэтому выяснение так называемой исторической правды об «эпохе печей» требует особого усилия. Взвешивать эмпирический материал или род данных, которыми мы располагаем, описывать оккупационную действительность с помощью чаще всего используемых инструментов группировки данных – например процентов (скажем, какой процент крестьян помогал ищущим спасения евреям), приводить конкретные цифровые данные (например, сколько евреев было убито крестьянами в Подлясье) или

выводить средние цифры (например, какова была стоимость еврейского имущества, захваченного соседями-поляками, в расчете на одного жителя) – в принципе невозможно или не имеет большого смысла. Чтобы понять общие черты случившегося, нам придется использовать более рафинированные способы аргументации, включая метод «плотного описания», используемый в антропологии[26].

Однако как тип источников, дошедших до нас, так и чуждость коллективного опыта, к которой были принуждены евреи (это было невообразимо, это нельзя было ни описать, ни объяснить тем, кто этого не видел сам – единодушно отмечают летописцы Холокоста), подсказывают аналогии из познавательной сферы антрополога, наблюдающего экзотические обычаи дальних племен, пользующегося для этого удачной встречей с информатором, с которым можно друг друга понять. Время и опыт Холокоста – это тоже своего рода другой мир (хотя аналогия, как всегда, хромает и несправедлива даже для людоедов), мир, из которого до нас доносятся лишь единичные голоса свидетелей – тех, что выжили.

[26] Метод «плотного описания» (thick description; варианты перевода: «густое описание», «описание с нажимом») предложил американский культурный антрополог Клиффорд Гирц. – *Прим. перев.*

Что происходило на земле лагерей смерти сразу после войны

Но вернемся к нашему снимку. Первое сообщение об освобожденной территории лагеря уничтожения в Треблинке представила польско-советская комиссия по расследованию преступлений, совершённых в концлагере Майданек, уже 15 сентября 1944 г. В том же месяце великий российский писатель Василий Гроссман, в качестве военного корреспондента сопровождавший фронтовой отдел Красной Армии, опубликовал репортаж о посещении лагеря с подробным описанием функционирования этого центрального очага Холокоста[27].

Участники польско-советской комиссии «в отчете постановили собрать и сохранить документы, которые находятся на этой территории, раскопать общие могилы с целью раскрытия тайн совершённых там немецких преступлений»[28]. Но в последующие годы для этого не было сделано совершенно ничего, за исключением того, что в 1947 г. вокруг территории лагеря был поставлен забор (sic!). Позже время от времени раздавались призывы обеспечить порядок на этой территории, но они также оставались без последствий. Увековечение лагерей смерти – Треблинки, Белжеца, Собибора и Хелмно – произошло лишь в шестидесятых годах прошлого века. Немаловажно было, что в Германии как раз в это время начались процессы над лагерными охранниками, и польские власти боялись быть скомпрометированными, если бы немецкий суд потребовал осмотра мест преступления[29].

Одним из самых первых свидетельств о том, что происходило в Треблинке сразу после войны, мы обязаны Михалу Калембасяку и Каролю Огродовчику, которые прибыли на территорию лагеря 13 сентября 1945 г. и отметили, среди прочего, следующее:

> По прибытии на место мы убедились, что на месте, где находился лагерь, оказалось изрытое поле, перекопанное окрестным населением. Поле было так изрыто, что в некоторых местах были ямы до 10 м глубины, в которых виднелись человеческие останки – берцовые кости, челюсти и т. п. <…> Нынешнее состояние Тремблинки [так в оригинале. – *Я. Г.*] представляет большое поле, кое-где с зарослями деревьев. Все находившиеся там бараки сожжены или разграблены начисто окрестным населением. Мы застали только остатки. О большом числе убитых тут людей свидетельствует факт, что выкопанные ямы десятиметровой глубины переполнены человеческими костями. <…>
>
> Под каждым деревцом были дыры, выкопанные искателями золота и бриллиантов. Запах трупов и газа так ударил нам в голову, что у нас с коллегой началась рвота и жуткое царапанье в горле.
>
> Продвигаясь дальше по территории, мы застали людей, которые копались в ямах, разрывая землю. На наш вопрос: «Что вы тут делаете?» – они ничего не ответили. На расстоянии от высшей точки (около 300 м), где раньше находился крематорий, мы заметили группу людей с лопатами, которые рылись в земле. Увидев нас, они начали убегать. <…> Чрезвычайно удивляет, что

---

[27] Польская версия этого репортажа увидела свет в брошюре: *Grosman W.* (так на титульном листе). Piekło treblinki: reportaż literacki. Katowice: Literatura Polska, b. d.

[28] *Rusiniak M.* treblinka – Eldorado Podlasia? // Kwartalnik Historii żydów. 2006. n 2. S. 206.

[29] Добавим к этому, что ни в Хелмно, ни в Собиборе, ни в Белжеце на выставленных памятных надписях не упоминалось, что жертвами массовых убийств в этих лагерях были евреи. См.: *Kuwalek R.* Concentration and Death Camps as Places of Commemoration – реферат выступления на конференции: the Aftermath of the Holocaust. Poland 1944–2010. Институт Яд ва-Шем, Иерусалим, 03–06.10.2010.

> место, освященное мученической смертью миллионов невинных людей, до сих пор не было защищено от грабежа и алчности окрестной деревенщины. <…> На раскопке этой территории – каких-нибудь двух квадратных километров – должны были работать тысячи людей, потому что объем вырытых ям колоссален. <…>
>
> Нужно упомянуть, что на территории, где находится Тремблинка, господствуют чудовищные отношения. Население, обогатившееся золотом, вырытым из могил, занимается грабежом и ночными нападениями на соседей. Мы пережили огромный страх, когда в одной халупе, в нескольких сотнях метров от той, где мы ночевали, женщину жгли огнем, добиваясь таким способом, чтобы она выдала место, куда спрятала золото и ценности[30].

Похожее свидетельство о посещении Треблинки в ноябре 1945 г. оставила Рахела Ауэрбах, направленная туда Главной комиссией по расследованию немецких преступлений. Она написала небольшую книжку о своих впечатлениях, а главу о деятельности «копателей» озаглавила «Польское Колорадо (вероятно, должно было стоять “Эльдорадо”), или Золотая лихорадка в Треблинке»[31]. Юзеф Кермиш, дважды посетивший Треблинку, также писал об окрестном населении, которое «целыми толпами копало песчаный грунт»[32]. Он упоминал также «советских мародеров», которые жгли на территории лагеря взрывчатые вещества, «бомбы из аэродрома Церанув», создавая таким образом «ямы огромной глубины <…>. В этих ямах было полно человеческих черепов, костей и еще не преданных земле останков».

Доминик Кухарек, копатель из Треблинки, – которому было предъявлено обвинение в валютном преступлении, так как он продал в Варшаве бриллиант, найденный в Треблинке, и купил золотые монеты, – в свое оправдание заявил, что «все» из его села ходили копать, а «о том, что поиск золота и драгоценностей на территории б[ывшего] лагеря в Треблинке запрещен, я не знал, потому что советские солдаты тоже ходили с нами и искали. Те места, где рассчитывали найти ценности, даже взрывали подрывными средствами»[33].

Добавим, что копателей, по свидетельству очевидцев, было иногда по несколько сот человек, поэтому их деятельность придавала территории лагеря (размером со спортивный стадион) вид муравейника. Местное население продолжало раскопки непрерывно в течение десятков лет. «Первые работы по упорядочению и инвентаризации на территории лагеря начались весной 1958 года, – пишет современная исследовательница этого вопроса Мартина Русиняк, – и во время предварительного упорядочения бывало и так, что работники вместе с милицией присоединялись к искателям»[34].

Сообщения из Белжеца очень похожи, за исключением того, что раскопки на территории лагеря (который, как и Треблинка, был запахан немцами, засеян люпином и для завершения камуфляжа кое-где обсажен молодыми деревьями) начались еще во время оккупации[35]. Когда немцы об этом узнали, они угнали местных жителей и поставили стражника, следив-

---

[30] Яд ва-Шем. Колл. 033. Отчет № 730.

[31] Репортаж Рахелы Ауэрбах о поездке в Треблинку раньше всего вышел в “Dos naje Leben”, № 52, а затем в виде отдельной брошюры: Af di felder fun treblinke. Reportaż. Centrale Jidisze Historisze Komisje (Центральная еврейская историческая комиссия), t. 33. łódź—Warszawa – Kraków, 1947. Благодарим Наталью Алексюн за перевод этой публикации с языка идиш.

[32] *Kermisz J.* W treblince po raz drugi / żydowski Instytut Historyczny (далее żIH). Centralna żydowska Komisja Historyczna. n 280/XX. S. 56–72.

[33] Государственный архив в Седльце. Акт по делу Доминика Кухарека. Окружной суд в Седльце, уголовный отдел. Дело 580. По данным Мартины Русиняк, это был единственный случай судебного преследования лиц, перекапывавших территорию лагеря в Треблинке.

[34] *Rusiniak-Karwat M.* Sąsiedzi byłego ośrodka masowej zagłady treblinka II. Реферат на семинаре żIH, архив żIH.

[35] Белжец был первым лагерем смерти, который закрыли и запахали: в июле 1943 г. оттуда выехала последняя партия евреев, приводившая территорию в порядок. Их отвезли в Собибор, где не позволили выйти из вагонов и перебили на платформе.

шего, чтобы следы их кровавой деятельности никогда уже больше не появлялись на поверхности земли[36]. Но как только стражник сбежал от наступающей Красной Армии, местное население вернулось к прерванным поискам.

В отчете об осмотре территории комиссией, посетившей Белжец 10 октября 1945 г., среди прочего, читаем:

> Согласно информации сопровождающих нас представителей Министерства обороны с поста Белжец, описанное раскапывание территории лагеря осуществлялось окрестным населением, искавшим золото и бриллианты, оставшиеся от убитых евреев. На раскопанной площади лежат различные разрозненные человеческие кости: черепа, позвонки, ребра, берцовые кости, челюсти, каучуковые зубные протезы, волосы – в основном женские, часто заплетенные в косы; кроме того, куски сгнивших человеческих тел, как то: руки, нижние конечности маленьких детей. Сверх того, на всем вышеописанном поле лежат массы пепла от сожженных останков, а также остатки сожженных человеческих костей. Из глубоко разрытых ям доносится трупная вонь. Всё это говорит о том, что территория лагеря вдоль северной и восточной границы представляет собой одну общую могилу убитых в лагере людей.

Заслушанный через неделю после посещения комиссии заместитель коменданта поста Министерства обороны в Белжеце Мечислав Недужак разъяснил следователю, что «местная милиция после бегства немцев из Белжеца пыталась помешать раскапыванию территории лагеря, но это очень трудно: стоит прогнать одну партию, как тут же является другая»[37].

Комиссия очень добросовестно выполнила свое задание и помимо заслушивания нескольких десятков свидетелей произвела осмотр территории. «Кладбище лагеря смерти» было раскопано в девяти местах, чтобы добраться до дна могил, в одном случае на 10 м вглубь. «Во время раскапывания всех ям установлено, что территория лагерного кладбища ранее уже была перекопана», а также что «в настоящее время территория лагеря полностью раскопана окрестным населением, разыскивающим ценности»[38].

Копатели в основном работали поодиночке, не раскрывая своих планов друг перед другом, так как удачливый добытчик мог легко стать жертвой нападения других искателей (вспомним, что писали Калембасяк и Огродовчик о «чудовищных отношениях» в окрестностях Треблинки). В Белжеце и Треблинке забирали домой вырытые черепа, чтобы уже там, без свидетелей, «спокойно их обыскать»[39].

Бывали и накладки, мешавшие некоторым работать, были более и менее золотоносные участки кладбища. Так называемый «банкир Белжеца», владелец местного кирпичного завода, например, имел команду «ныряльщиков в выгребную яму» – копателей, работавших в окрестностях отхожего места, откуда доставали исключительно богатую добычу. Скорее всего, евреи, лишившиеся надежды и понимавшие, что их ждет, последним жестом протеста бросали туда ценности, вместо того чтобы, как было приказано, отдавать их своим палачам[40]. В выгреб-

---

[36] Протокол допроса Евгениуша Гоха, каменщика из Белжеца, от 14.10.1945; также протокол допроса Марии Даниэль из Белжеца от 16.10.1945. Akta śledztwa w sprawie zbrodni popełnionych w obozie zagłady w Bielżcu. Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku (далее APMM). Sygn. XIX-1284.

[37] Доклад комиссии от 10.10.1945 и протокол допроса Мечислава Недужака от 17.10.1945. Akta sledztwa….

[38] Protokoł rozkopania cmentarzyska obozu śmierci w Bełżcu, 12.X.1945; Sprawozdanie z wyników dochodzenia w sprawie Obozu Śmierci w Bełżcu// Akta sledztwa….

[39] *Czerwiakowska E.* Głos z otchłani // Karta. 2009. n 59. S. 103. На тему Белжеца информация от Агнешки Грудзьнской, переводчицы интервью с жителями окрестностей Белжеца во время съемок документального фильма «Белжец» Гийома Московица, Франция, 2005, 100 мин.

[40] Информация от директора музея в Белжеце Роберта Кувалки. Во время археологических работ в Белжеце, проведенных

ной яме наткнулись также на маленькие скелеты, как можно предположить, утопленных там еврейских детей. Об эксплуатации же окрестным населением праха миллиона евреев, убитых в Освенциме, бывший работник Государственного музея Освенцим-Бжезинка пишет на интернет-форуме: «Эта сделка была основана на том, что под покровом ночи кули с прахом грузили на какое-нибудь транспортное средство, а потом промывали их в Висле. Да! Именно так, как делалось иногда во время золотой лихорадки на Диком Западе. <…> Не секрет, что все Плавы, Харменже и половина Бжезинки вымощены еврейским золотом. Еще долго после войны каждый день приезжали целые караваны с “урожаем” на “промывку”, притом из очень отдаленных деревень»[41].

В журнале лесного отдела, действовавшего в Подлясе через год после окончания войны, мы находим упоминание о «контрибуции» с населения, перекапывавшего прах евреев, убитых в Треблинке[42]. Таким путем остатки «еврейского золота», не попавшие в казну Рейха, через посредничество копателей укрепляли после войны бюджет антикоммунистического подполья. Грабеж еврейского имущества был существенным элементом циркуляции благ, составной частью структур социально-экономической жизни на этих землях, а тем самым – общественным явлением, а не отклонением от нормы у группки аморальных типов[43].

в 1997–999 гг., была найдена табличка, находившаяся, вероятно, в бараке, где евреев сортировали для отправки в газовые камеры («для купания и ингаляций»). Помимо прочего, там была написана следующая фраза: «Деньги, ценные вещи и документы до сдачи в окошко следует держать при себе и не выпускать их из рук». Другой находкой археологов было 300 фрагментов бетонных кружков диаметром 6 см и толщиной 1 см с выбитыми в них пятизначными числами. Их назначение неясно, но можно предположить, что их выдавали в качестве номерков в обмен на депозит, поддерживая тем самым заблуждение, что после «купания» его можно будет взять назад. Кружки эти были настолько массивны, что после уничтожения транспорта евреев их можно было легко собрать, очистить и использовать при убийстве следующей группы жертв. См.: Bełżc. The Nazi Camp for Jews in the Light of Archeological Sources. Excavations 1997–1999. Warsaw – Washington: the Council for the Protection of Memory of Combat and Martyrdom and the United States Holocaust Memorial Museum, 2000. P. 12, 57–58.

[41] Запись на форуме “Waszym Zdaniem” Onet.pl и на блоге: krzysiafish-przemyslenia.blog.onet.pl/2,ID419078860,index.html (дата обращения: 17.01.2011).

[42] NSZ na Podlasiu w walce z systemem komunistycznym w latach 1944–1952 / Red. M. Bechta, L. żebrowski. Siedlce: Związek żołnierzy nSZ, 1998. S. 201.

[43] В интернете находим следующий отрывок из хроники отдела 6-й Виленской бригады АК, переданный Гжегожем Вонсовским: «2.II.1946. Приближаемся к знаменитой Треблинке. По сообщениям населения, постоянное раскапывание и ограбление трупов дошло до последних границ озверения. Вырывают зубы и целые челюсти, отрезают руки, ноги, головы, чтобы добыть крупицу золота. Профанация, а власти не предпринимают [ничего – приписка. – *Г. В.*] для охраны этого единственного в своем роде кладбища, на котором покоятся больше трех миллионов [цифра завышена. – *Г. В.*] евреев, поляков, цыган, русских и других национальностей. 3–.II.1946. Хмельник. Мы в 3 км от “лагеря смерти”. Опрос, проведенный в “лагере”, подтвердил сведения о профанации. Вечером 4.II.1946 едем в деревню Вулка-Окронглик для карательной экспедиции против искателей золота в Треблинке». В течение двух ночей (с 4 на 5 и с 5 на 6 февраля 1946 г.) 6-я Виленская бригада АК, насчитывавшая в то время несколько десятков человек, отправляла на территорию патрули, чтобы унять деморализованных соотечественников, занятых позорным промыслом осквернения останков жертв гитлеровского лагеря смерти в Треблинке ради поиска золота и других ценностей. Виновные, схваченные партизанами, были наказаны кнутами. См.: podziemiezbrojne.blox.pl/2011/01/6-Brygada-Wilenska-AK-a-Zlote-zniwa.html (дата обращения: 17.01.2010).

Попытка нормализации

На нашем снимке, как он ни таинственен и как ни требует пояснений, можно заметить некоторые «эвфемизмы»: ситуация **страшно** напоминает нечто мирное, нечто такое, что, если понять, а не оттолкнуть от себя, может вызвать первобытный страх. Глаз зрителя задерживается прежде всего на людях и лишь затем обращается к черепам и костям; осознание, чтó лежит перед этими людьми, что это такое, наверняка займет некоторое время. Перед нами столкновение двух порядков. С одной стороны, живые и здоровые люди, энергия жизни и движения, с другой же недвижные кости и черепа – по сути, уже предметы, вещи. В нашей культуре встреча этих двух рядов обычно происходит в ритуализованном порядке, в особых, четко обозначенных ситуациях, к которым вид на фотографии не принадлежит. Мертвое тело скрыто в гробу или накрыто саваном. С поверхности земли его прячут очень быстро, иначе его запах не дает нам жить. Кости, если их видно, в научных целях или для предостережения собраны в скелет (тем самым сохраняется хоть что-то от личности), а череп и скрещенные берцовые кости служат распространенным знаком, предостерегающим об опасности заражения или удара электрическим током.

В христианской символике череп и кости – это *memento mori*, символ, изображавшийся когда-то вместе с орудиями мучений Христа: гвоздями, молотком, клещами (здесь: лопаты, палки, оружие?). Череп и кости означают также Голгофу: череп у основания креста должен был принадлежать праотцу Адаму. Эти знаки-символы наверняка были известны людям, находящимся на снимке: они наверняка католики, потому что именно католики населяли окрестности Треблинки. Эти лица видели черепа и сКРЕЩенные кости в костеле. И поразительно, что черепа и опирающиеся на них скрещенные берцовые кости находятся в самом центре ряда человеческих костей, а кольцо людей стоит симметрично вокруг них, полукругом справа и слева от этого центра. На не столь любительской фотографии череп с костями стал бы фокусом снимка, а здесь фокус находится где-то на переднем плане.

Как попытку нормализовать эту страшную ситуацию, придать ей смысл можно истолковать укладку черепов и костей в порядок, чтобы они образовывали фигуру memento mori, чтобы они либо автоматически отпугивали, либо вписывались в религиозный (христианский) строй мира. Следует заметить предположительно отстраняющий жест лица или лиц (скорее всего, женщин), укладывавших в порядок кости и «христианизировавших» еврейские останки, потому что именно такой символический словарь был им доступен в отношении человеческих костей.

Бережливость

«Со времен Гомера, – пишет Теодор Адорно, – языковый обычай связывает понятия добра и богатства». Это моральная идея, «которая прямо выводится из существования угнетателей». Христианство отрицает этот тезис, «но особая богословская премия за добровольную бедность говорит о том, как глубоко в общее мнение проникла идея моральности обладания»[44]. Поэтому благо и добро – синонимы. Вещи, даже не столь ценные, – добро сами по себе, поскольку являются результатом труда, усилия. Их *добрая* сторона – то, что они полезны. В доме, в хозяйстве всё может пригодиться.

Мы много раз читали о том, как люди грабят жертв катастроф или тела солдат, оставшихся на поле битвы. Это был широко распространенный процесс во время Наполеоновских войн (Стендаль дал его знаменитое описание в четвертой главе «Пармской обители»), но также и во время Второй мировой войны, а может быть, и любых войн. В рассказе Стефана Жеромского «Расклюют нас вороны» польский крестьянин грабит останки участника январского восстания 1863 г. и бросает его в придорожную яму вместе с его убитым конем, с которого сдирает шкуру. В книге о Гражданской войне в США историк Дрю Гилпин Фауст помещает иллюстрацию из тогдашней газеты, на которой солдаты Юга «обирают» убитых солдат Севера. «Солдаты, **отчаянно нуждавшиеся** [выделено нами. – *Я. Г.*] в верхней одежде, раздевали убитых, мало смущаясь этикетом или угрызениями совести, а злодеи и гиены в людском облике появлялись на поле битвы сразу по окончании столкновений. Солдаты Юга ограбили даже тела шестерых своих убитых генералов». Окрестное население забирало всё, что могло показаться полезным[45].

Подчеркивая потребности солдат, Д. Г. Фауст, похоже, хочет сказать, что мертвым имущество не нужно. Но всё же не без причины тех, кто грабит мертвые тела, называют гиенами, низводя их тем самым на уровень зверей. Впрочем, стоит упомянуть, что в любой общественной группе обычай требует уважения к умершим. Это признак не только высшей цивилизации, но и основополагающей человеческой солидарности. Тело – не вещь: оно сохраняет некоторые признаки человека, которому служило при жизни. Более того, многие религии, в том числе католическая, верят в телесное воскресение, а потому придают огромное значение тому, каким образом тело погребено.

Поэтому нельзя сказать, что разграбление треблинской «бездонной земли» (Василий Гроссман) вписывается в какой-нибудь стандарт поведения, который можно если и не оправдать, то объяснить бедностью, потребностями, какого-либо рода целями. Если согласиться с Зигмундом Бауманом, что Холокост был результатом «садоводческих» взглядов общества, т. е. таких, для которых некоторые люди суть сорняки, в таком случае их вытеснение либо полное исключение из общества выглядит как деятельность, в своем роде рациональная и целенаправленная. Упорное, длящееся десятки лет разгребание, перебирание и упорядочение территории лагерей в таком случае есть действие по обработке сада. Эта деятельность – напомним: выкапывание трупов и костей в поисках драгоценностей – в таком случае будет абстрагирована от морального контекста. Это не могилы, а что-то вроде поля с остатками. «Смерть, истребление, разрушение личности есть также истребление и разрушение вещей, – писала Рахела Ауэрбах. – В картине истребления евреев истребление вещей занимает видное место. Трагедия и мытарства вещи сопровождает трагедию и мытарства людей»[46].

---

[44] *Adorno T.* Minima Moralia. S. 219.

[45] *Faust D. G.* this Republic of Suffering. Death and the American Civil War. new York: Knopf, 2008. S. 74–75. Тела солдат Севера, погибших на территории Юга, тоже часто подвергались осквернению.

[46] *Auerbach R.* Lament rzeczy martwych // Przełom. 1946. n 2. Цит. по: *Leociak J.* Doświadczenia graniczne. Studia o

dwudziestowiecznych formach reprezentacji. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 2009. S. 245.

Эксплуатация лагерей уничтожения окрестным населением во время войны

Богдан Войдовский был одним из немногих писателей, которые укоренили в польской литературе образ копания в поисках «еврейского золота». Однако его рассказ конца 50-х гг. под названием «Нагая земля», напоминающим слова Василия Гроссмана, показывает, как трудно было писателю назвать это явление. Действие рассказа происходит после войны и представляет выкапывание на территории лагеря в Треблинке золота, скрытого в земле одним из местных крестьян. Читатель с трудом может представить себе обстоятельства, и самое ясное выражение того, о чем идет речь, – невнятные слова умственно отсталого пастуха, который подходит к копающим и говорит: «Жооолото копаааете пооосле жииидов?» По этой фразе видно, что нормальный, «полный» язык не имеет слов, которыми такую деятельность (такое нарушение моральных границ) можно прямо назвать[47].

Вторая мировая война оставила в языке специфические слова: шмальцовник[48], мародер, аусвайс. Практика рытья лагерных территорий в поисках ценностей специального названия не имеет. Слово «копатели» не передает ужаса этого занятия – выкапывания и обыска гниющих человеческих останков. Другой термин – «дантисты» – использовался в Варшаве для обозначения людей, ищущих золотые зубы в черепах на еврейском кладбище[49]. Иногда можно встретить термин «канадари»[50]. Как известно, например, из рассказов Тадеуша Боровского, «Канадой» назывались работы по разгрузке транспортов, прибывавших в Освенцим и сортировке багажа убитых. Это термин из языка, получившего название *Lagersprache* (лагерный жаргон)[51]. Однако это выражение известно не всем, а его жгучая ирония плохо соотносится с сутью дела. Заключенные, работавшие на «Канаде», часто тоже были обречены на смерть. Их наслаждение добром убитых должно было быть мимолетным.

Окрестности лагерей уничтожения действительно, по словам Рахелы Ауэрбах, были «польским Эльдорадо», но не только в связи с послевоенными поисками, но и в результате хозяйственной деятельности во время войны. Обитатели соседних с лагерями местностей во время войны заметно повысили свое материальное благосостояние в результате торговли между персоналом лагерей и местным населением, приводя тем самым к «моральному и эко-

---

[47] *Wojdowski B.* naga ziemia // tenże. Wakacje Hioba. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. S. 180. См. также: *Tokarska-Bakir J.* Skaz antysemityzmu // teksty Drugie. 2009. n 1–2 (115). S. 302–317.

[48] «Шмальцовать» (буквально «вытапливать жир») – шантажировать евреев доносом на них гитлеровским властям. См. об этом далее специальную главу. – *Прим. перев.*

[49] Владка Мид описывает в воспоминаниях, как непосредственно после войны пришла на еврейское кладбище в Варшаве, чтобы разыскать могилу своего отца. Кладбище было разорено, «с опрокинутыми надгробиями, оскверненными гробами и разбросанными вокруг черепами, человеческими черепами <…>. Хоть и знаешь, что это были следы упорной деятельности так называемых “дантистов” – поляков, искавших золотые зубы во рту еврейских трупов, – ощущалась какая-то странная вина, глубокое унижение, стыд, что и ты принадлежишь к породе, называемой родом человеческим». Цит. по: *Finder G., Cohen J.* Memento Mori. Photographs from the Grave // Polin. Studies in Polish Jewry. 2008. t. 20. P. 57.

[50] В интервью для «Тыгодника Повшехного» от 28 января 2009 г. Марек Куця говорил: «Еще в восьмидесятые годы на лагерной территории действовали так называемые канадари, которые перекапывали землю возле крематориев и мест, куда сбрасывали останки жертв, в поисках золота». Интервью состоялось после кражи знака, висевшего над входными воротами лагеря. Профессор Куця сказал, как бы объясняя соображения «канадарей»: «Но это были искатели сокровищ, которые разыскивали ценности и потом сбывали их на рынке. Но я не слыхал о попытке кражи экспонатов из Музея».

[51] См.: *Wesołowska D.* Słowa z piekieł rodem. Lagerszpracha. Krakow: Oficyna Wydawnicza Impuls, 1996. Поскольку узники приезжали, готовясь к переселению, они обычно брали с собой еду, ценности, деньги – всё то, что предусмотрительность подсказывала им взять с собой. Когда их высаживали (это тоже эвфемизм: следовало бы сказать – когда их вышвыривали из вагонов, когда у них отнимали имущество и одежду, сортировали и отправляли на смерть), работающий заключенный мог при такой оказии наесться, одеться, обогатиться. Это была деятельность по наведению порядка, отсюда и название *Aufräumungskommando*: немецкое *aufräumen* означает «прибирать, убирать за кем-либо».

номическому перевороту»[52]. О произошедших там переменах житель одного из имений неподалеку от Треблинки писал: «Соломенные крыши исчезли, сменившись жестью, и всё село напоминало Европу, перенесенную в этот захудалый уголок Подлясья»[53].

Что скрывается за этим замечанием наблюдательного крестьянина? Так вот, кроме созданной эсэсовцами небольшой обслуги Треблинки были там освобожденные советские военнопленные, в основном украинцы, приученные к своей новой роли в лагере для обучения в Травниках. Обычно их называли заимствованным из немецкого языка термином: вахманы, или «черные» (по цвету мундира). Эти молодые парни, которых там было около сотни, к которым немецкие коллеги относились с презрением и которые легко могли найти общий язык с жителями окрестных сел, стали желанными гостями в польских домах[54]. Главной причиной было то, что они располагали неограниченным количеством денег и ценностей.

Охранники Треблинки торговали с местным населением, покупая водку, вкусную еду и сексуальные услуги. Денежное вливание, которое таким образом получили окрестности лагеря, были несравнимы ни с чем, происходившим до тех пор. Ведь это явление основывалось не на частичном перехвате имущества местных евреев, более или менее доведенных до нищеты своими соседями-католиками, как в других местах Польши. В Треблинке, Собиборе и Белжеце было убито более полутора миллионов людей, в том числе население нескольких больших городов. И деньги и ценности, которые масса евреев, обреченных на смерть, взяла с собой в последний путь, надеясь, что в последний момент еще можно будет подкупить судьбу, в немалой части перешли в руки местного населения. Как писал инженер Ежи Круликовский из Варшавы, направленный в этот район во время войны для строительства железнодорожного моста, «ручные часы продавались в то время дюжинами, так что местные крестьяне носили их в кошелках для яиц – в подарок новоприбывшим»[55].

Если вспомнить известный жанр фильмов – вестерны, – можно сказать, что местность приобрела черты «Дикого Запада», охваченного, по словам Рахелы Ауэрбах, «золотой лихорадкой». В селе появились «проститутки из ближнего города, даже из Варшавы, охочие до золотых монет, а водка и закуска были во всех хижинах»[56]. В селах по соседству с лагерем украинцев во время увольнительной от «трудов» сердечно принимали некоторые хозяева. Их дочери были, как об этом открыто говорилось, приятельницами этих убийц и охотно пользовались их щедротами[57].

При этом местное население не собиралось уступать приезжим в том, чтобы доставлять развлечение лагерным стражникам, поскольку вознаграждение за оказываемые услуги было астрономическим. Украинцы платили за еду и водку, «не считая денег», и лишь под конец

---

[52] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki w czasie okupacji // żIH. 302/224. S. 29.

[53] *Górski J.* na przełomie dziejów / Oprac. J. Grabowski. // Zagłada żydów. 2006. t. 2. S. 286. Треблинка лежит на стыке Мазовши и Подлясья, на мазовецкой стороне «границы».

[54] Две женщины, допрошенные следственной комиссией в Белжеце, показали, что вахманы регулярно приходили к ним домой на обеды. См. также: *Krolikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblinki… S. 30. О том, что эсэсовцы относились к вахманам как к «недочеловекам», наказывали их плетьми, отбирали на ночь карабины, пишет в воспоминаниях, например, Мечислав Ходзько (żIH. 302/321). О бегстве украинских охранников с оружием и о том, что позже эсэсовцы не давали украинским стражникам автоматического оружия, пишет также Тойви Блатт, узник Собибора, который участвовал в восстании и сумел дожить до конца войны (*Blatt T.* Sobibor // żIH. 302/321 S. 65, 71). Добавим также, что «немцы в свободное от службы время, работая через день, имели много свободного времени. Они ходили по окрестностям, навещали крестьян» (*Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe // żIH. 302/321. S. 51).

[55] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki… // żIH. 302/321. S. 30.

[56] *Chodźko M.* // ŻIH, 302/321. S. 47. О проститутках, с которыми имели дело украинские стражники в Собиборе сразу же после сооружения лагеря, пишет Блатт (*Blatt T.* Sobibor // ŻIH. 302/321. S.77); в Треблинке проституция также совершалась на открытом воздухе в непосредственной близости от лагеря, как рассказывал Франц Штангль в интервью с Гиттой Серень (*Sereny G.* Into that Darkness // żIH. 302/321. S. 157).

[57] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki… // żIH. 302/321. S. 30.

функционирования Треблинки, в 1943 г., «продавали бриллианты на караты, а не на штуки»[58]. Ценный местный информатор, уже цитировавшийся крестьянин-эндек, описывает господствовавшие отношения еще подробнее:

> Недалеко от Треблинки лежит село Вулка-Окронглик. Хозяева из этого села посылали своих жен и дочерей к украинским стражникам, работавшим в лагере, и не скрывали возмущения, если эти женщины приносили слишком мало колечек и других ценностей, оставшихся после евреев и полученных в уплату за специфические услуги. Очевидно, что такая сделка в материальном плане была очень выгодна[59].

При случае между ними также завязывались более близкие личные отношения. Мы знаем, например, что один из стражников в Белжеце женился на местной девушке.

Из воспоминаний Мечислава Ходзьки мы узнаём новую существенную подробность: «У вахманов были фотоаппараты, и они делали порнографические снимки, которые показывали при удобном случае»[60]. Таким образом, быть может, отчасти раскрывается «загадка» нашего снимка: так как неизвестно, кто и с какой целью его снимал, то можно спросить и о том, откуда взялся фотоаппарат в мазовецкой деревне сразу после войны. А теперь мы уже знаем: рядом с Треблинкой, во время войны и после нее, можно было найти буквально всё, в том числе и фотоаппараты. Остальное понятно. Околица процветала. «“Притоны” украинцев в окрестных селах процветали всё больше. Вскоре комбинаторы из Варшавы начали завозить к ним любые деликатесы, какие можно было достать, и ценные довоенные спиртные напитки, а с весны 1943 г. – и все появлявшиеся в продаже ранние овощи»[61].

Жители Треблинки и окрестностей зарабатывали не только на мертвых евреях. Они занимались хозяйственной деятельностью с того момента, когда вагоны, полные привезенных на казнь людей, останавливались на станции. Огромные поезда с выселенными евреями (из Варшавы приходили составы, насчитывавшие до 60 вагонов) из-за ограниченной пропускной мощности газовых камер впускали на территорию лагеря партиями. И операция по уничтожению одного транспорта, даже если всё шло как по маслу, занимала несколько часов. Всё это время вагоны, набитые евреями, стояли на станции. Бывало, что в Треблинку прибывало два или три поезда сразу, и те, что пришли в сумерках, задерживались на станции аж до утра[62].

Как вспоминает уже цитировавшийся инженер Юзеф Круликовский, по прибытии поезда к станции подходили жители соседних с Треблинкой сел.

> Когда издалека я впервые увидел этих людей возле поезда, я думал, что крестьяне пришли из благородной щедрости, чтобы накормить и напоить запертых в вагонах и изжаждавшихся людей. Работники, которых я спросил, развеяли мое заблуждение, сказав, что это обычная торговля водой и продовольствием, притом по высоким ценам.
>
> Как я потом узнал, именно так оно и было. Когда транспорт конвоировали не немцы, которые никого к нему не допускали, а любые другие категории немецких наемников [бывало, что конвоирами были гранатовые полицейские[63]. – *Я. Г.*], сбегались толпы с ведрами воды и бутылками самогона в кошелках. Вода была предназначена для продажи людям, запертым в вагонах,

---

[58] Ibid.

[59] *Górski J.* na przełomie dziejów // żIH. 302/321. S. 286–287.

[60] *Chodźko M.* // żIH. 302/321. S. 47.

[61] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki… // żIH. 302/321. S. 31.

[62] *Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe // żIH. 302/321. S. 47. Зомбецкий во время оккупации был дежурным по движению на станции Треблинка, и его воспоминания во многих подробностях совпадают с сообщениями инженера Круликовского.

[63] Местная полиция в оккупированной Польше. – *Прим. перев.*

> а самогон – на взятки конвоирам, которые за это соглашались пропустить в вагон.
>
> Когда самогона не было или конвоиры не брали такую взятку, девушки обнимали их за шею и осыпали поцелуями, чтобы только получить разрешение на вход в вагоны. Когда разрешение было получено, начиналась торговля с несчастными узниками, умиравшими от жажды и платившими по 100 злотых за кружку воды. Бывало и так, что купюру в сто злотых брали, а воду не давали. В это время конвоиры баловались самогоном, а потом начинали зверские «забавы» с несчастными людьми, о которых я уже писал[64].

Забавы, о которых писал Круликовский, заключались в том, что пьяные конвоиры предлагали евреям позволить им бежать за деньги, а потом стреляли в них. «Однако иногда конвоиры перебирали меру и так напивались, что не могли стрелять в бегущих прицельно, поэтому иногда узникам удавалось убежать»[65]. Дежурный движения на станции Треблинка добавляет, что, когда «у конвоиров не хватало боеприпасов, [то] жандармы бросались за убегавшими и убивали их прикладами карабинов, штыками и даже железными ломами и вилами, отнятыми у крестьян в соседних хозяйствах»[66]. Пьяные конвоиры издевались таким образом особенно над пассажирами поездов, пережидавших ночь на станции, так что для многих обреченных мучения перевозки кончались еще до порога газовой камеры: «В течение дня собирали трупы со станции на несколько вагонов-платформ и отвозили их в лагерь смерти»[67]. «После ликвидации восстания в Варшавском гетто, в мае 1943 г., – пишет Круликовский, – стрельба из карабинов после прибытия поездов была такой сильной, словно на путях происходили боевые действия»[68].

Из самой Варшавы в Треблинку прибыло около сотни поездов с жертвами, обреченными на смерть. Всего же их прибыло примерно вдвое больше, так что доходы от – как бы это назвать – торговли (?), наряду с доходами содержателей притонов и «девочек», произвели революцию в местной экономике[69]. Жительница Белжеца говорила после войны, что людям из ее мест во время оккупации трудно было соблюдать приличия[70].

Хозяйственная эксплуатация мест массового уничтожения окрестным населением, разумеется, не была польской спецификой. Казимеж Сакович, живущий возле леса, где во время войны было убито 100 тысяч человек (в основном евреев, но среди жертв встречались и поляки), всего лишь через три дня после того, как литовцы начали расправу с вильнюсскими евреями, записал в «Дневнике, написанном в Понарах с 11 июля 1941 г. по 6 ноября 1943 г.»: «Торговля идет вовсю. <…> С 14 июля раздеваются до белья, одеждой торгуют в массовом

---

[64] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki… // żIH. 302/321. S. 31–32.

[65] Ibid. S.32. «В конце сентября опасность из-за всё более учащавшейся стрельбы стала так велика, что нам пришлось принять меры к защите. Прежде всего я отослал в Варшаву жену, разделявшую мою судьбу в этих ужасных условиях. Она подвергалась опасности гораздо больше меня, так как постоянно находилась в доме, в сторону которого очень часто раздавались выстрелы со станции… Все работники, жившие в Треблинке (а нас было очень много, так как это село было ближе всех к месту строительства) перестали ходить на работу привычной дорогой, так как она шла мимо путей и станции. Мы ходили луговыми тропинками, делая крюк, но избавляясь от необходимости падать наземь каждый раз, как начиналась стрельба» (Ibid. S. 15). См. также: *Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe // żIH. 302/321. S. 47.

[66] Ibid. S. 48.

[67] Ibid. S. 47.

[68] *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic treblinki… // żIH. 302/321. S. 15.

[69] Такой же хозяйственной деятельностью занимались железнодорожники. Об этом пишет, например, инженер Хенрик Брискер, бывший легионер и капитан Войска Польского, вывезенный во время восстания: «На высоте Таргувка поезд остановился, а грузовики Тоббенса привезли хлеб. Это была первая еда за 48 часов. Пользуясь остановкой, польские железнодорожники с разрешения конвоя приносили в чайниках воду и передавали ее в бутылках в руки, жадно выставленные из окошек, причем брали за пол-литра воды… 100 злотых. Еще до того как поезд трогался, у каждого “милосердного” путейца было в кармане несколько тысяч злотых. <…> Стоя у окна, я помогал передавать деньги и принимать воду» (żIH. 302/90). Ежи Пфеффер описывает подобные же транзакции на вокзале Люблина, на пути, по которому евреев перевозили в Майданек (żIH. 302/23).

[70] Сообщения Роберта Кувалки.

масштабе». Запись от 1–2 августа: «Для немцев 300 евреев – это 300 врагов человечества, для литовцев же это – 300 пар обуви, белья и т. п.». 22 августа Сакович отмечает: «Немцы забирают ценности, оставляя литовцам одежду и прочее»[71].

Дневник Саковича очень лаконичен, в основном записи занимают лишь несколько строк, и лишь иногда мы встречаемся в них с более развернутым описанием:

> 21/XI. С базы вышел шаулис с карабинерами, и на дороге (это был базарный день, пятница) начал продавать принесенную женскую одежду: несколько плащей, платьев, ботики. Последнюю пару плащей – гранатовый и коричневый – он продал за 120 (сто двадцать) рублей и «в придачу» дал еще пару ботиков. Когда один из крестьян (Вацлав Такун из Старого Мендзыжеча) спросил, будет ли он еще продавать, шаулис ответил: пусть «подождет», пока он «выберет» еврейку по размеру. Такун с женой были поражены и, когда шаулис отошел, быстро уехали. Шаулис явился с одеждой, был зол, что этих «хамов» нет на месте, ведь он «трудился», раздевая еврейку из четвёртого ряда, которая по росту была «падхадзящей» для крестьянки[72].

И так будет уже до самого конца:

> 7 октября, четверг, 1943 г. С утра по приезде торговля вещами вчерашних жертв. <…> Торговля идет шибко. <…> 11 октября, понедельник, 1943 г. Эти постоянные, почти ежедневные расстрелы привели к тому, что литовские торговцы вещами, во главе с браковщиком Куласкисом из Скорбуцян, уже постоянно – днем и ночью – на месте. Пьют целыми ночами. <…> 13.X – среда, 1943 г. Шаулисы чего-то ждут, так как будет партия. <…> Ждут и покупатели. Не привезли. Около 12 ч. в полдень грузовик…[73]

Сведения о торговле вокруг лагерей и транспортов проливают дополнительный свет на наш снимок. Крестьяне и крестьянки из окрестностей Треблинки – это не только копатели, занятые поисками золота на лагерной территории. Это опытные торговцы и торговки, родственники «подружек» вахманов, хозяева, готовившие для них вкусные обеды, хозяева – продавцы часов и колец, оставшихся от евреев. Скорее всего, они уже прибарахлились, но кладбищенское поле постоянно соблазняет.

---

[71] *Sakowicz K.* Dziennik pisany w Ponarach od 11 lipca 1941 r. do 6 listopada 1943 r. Bydgoszcz: towarzystwo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 1999. S. 46–48.

[72] Ibid. S. 58.

[73] Ibid. S. 119, 122, 124.

Захват еврейской собственности простыми людьми

С последствиями изъятия еврейского имущества мы сталкиваемся до сих пор. Наследники принадлежавших евреям произведений искусства, проданных во время так называемых «вынужденных транзакций» (т. е. только потому, что нацисты находились у власти), до сих пор ведут процессы о возвращении имущества, приобретенного таким путем. Их адвокаты ссылаются на то, что «вынужденные транзакции», как и «аризация», были формой грабежа, лишь прикрытой формами купли-продажи.

Разумеется, этот же аргумент относится не только к собственности на произведения искусства или роскошные виллы. Бедные евреи, продававшие за гроши постельное белье, мебель, предметы домашнего обихода или зимнюю одежду соседям-арийцам, тоже были ограблены, притом куда чувствительнее, чем их богатые товарищи по несчастью, потому что такая принудительная пауперизация сталкивала их за грань нищеты. Все, кто пользовались случаем поживиться еврейским имуществом за малую долю его подлинной цены, – независимо от того, были ли объектом этих вынужденных транзакций ценные объекты или нет, – принимали участие в грабеже европейского еврейства. Равным образом это относится и к правительствам полутора десятков европейских стран, и к нескольким сотням музеев, тысячам галерей и торговцев предметами искусства, паре десятков тысяч оборотистых дельцов и миллионам простых людей, которые таким путем приложили руку к ограблению своих еврейских соседей[74].

Но – и об этом мы уже знаем – население оккупированной Европы перехватывало имущество евреев не только за счет вынужденной продажи или декретированной аризации. В ожидании начала вывоза из Щебрешина в середине апреля 1942 г. «съехалось много телег из окрестных сел, и все они почти целый день простояли в ожидании, когда можно будет приступить к грабежу, – отмечал директор городской больницы Зигмунд Клюковский. – С разных сторон приходят вести о скандальном поведении части польского населения и грабеже брошенных еврейских жилищ. По этой части наше местечко наверняка не окажется позади всех», – писал он с горькой иронией. И действительно, в октябре, после очередной «акции», доктор Клюковский вновь возвращается к теме грабежей и записывает в «Дневнике…», что «население расхватывает из распахнутых еврейских домов всё, что под руку попадется, люди без стыда тащат целые тюки с убогим еврейским добром или товарами из еврейских магазинчиков»[75]. В другом уголке Польши, в Едвабне, 10 июля 1941 г. «еще догорала стодола, когда часть жителей бросилась за добром, оставшимся после евреев»[76]. Очень сходно происходили события на другом конце Европы. Когда самая древняя еврейская община была депортирована из Салоник, то, «как только евреи покинули город, население бросилось по их домам, обдирая полы, стены и потолки в поисках спрятанных сокровищ… Наступило полное “нарушение общественного

---

[74] Саул Фридлендер в первом томе исследований на тему евреев и нацистской Германии описывает сценку, весьма типичную для Германии того времени. На другое утро после «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 г., когда власти инспирировали еврейские погромы по всей стране (название «Хрустальная ночь» происходит от того, что наутро улицы немецких городов были усыпаны осколками стекла из тысяч разбитых магазинных витрин), на рынке мозельского местечка Виттлих, возле грузовика, на котором вместе с полудюжиной избитых мужчин стоял в отчаянии резник Маркс, его жена в истерике протягивала руки к соседям, наблюдавшим всю сцену из-за закрытых окон окружающих домов. Она кричала: «Зачем вы нас так мучите? Что плохого мы вам когда-то сделали?» (*Friedländer S.* nazi Germany and the Jews. t. 1. new York: Harper Perennial, 1998. P. 278). Её крики отозвались неожиданным эхом полвека спустя, в Гамбурге, когда после выступления Фридлендера к нему подошел молодой человек и передал привет от своей бабки, жительницы Виттлиха. В ответ на удивленный взгляд докладчика молодой человек объяснил, что его бабка до войны была соседкой фрау Маркс. Как и многие другие жители, она приняла участие в разграблении «еврейского добра», и вышло так, что ей досталась подушка фрау Маркс. Теперь она держит ее на дне шкафа, полная угрызений совести, и не знает, что с ней сделать. Фридлендер рассказал эту историю во время выступления в Институте Ремарка в Нью-Йорке 12–13 октября 1999 г.

[75] *Klukowski Z.* Dziennik z lat okupacji Zamojszczyzny. Lublin: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1958. S. 255, 292.

[76] *Bikont A., rozmowa ze Przechodzkim S.* Szatan wstąpił do Jedwabnego // Gazeta Wyborcza. 2001. 5 kwietnia.

порядка", как заметил тогда один чиновник, а магазины старьевщиков стали наполняться краденой еврейской собственностью»[77].

Сколько человек в Польше извлекло выгоду из этнической чистки, устроенной немцами во время оккупации, – неизвестно. Войцех Лизак оценил число «правомочных наследников в еврейских местечках» в полмиллиона[78], имея в виду скорее жилье, магазины, мастерские, возделываемые земли, захваченные местным населением, чем то, что Клюковский назвал «убогим еврейским добром». Но ведь мебель, хозяйственная утварь, предметы обихода, игрушки, перины, подушки, одежда (которую часто называли «еврейским тряпьем») – всё это не исчезло с поверхности земли и лишь частично было выслано в Германию в качестве военной добычи. Захват еврейского имущества был настолько всеобщим, что привел к нарушению норм, регулирующих этот процесс. Наступила редистрибуция (перераспределение) собственности, и, как всегда в таких случаях, возникли механизмы для регулирования общественной практики, связанной с этим явлением.

Например, в августе 1941 г. Елена Климашевская поехала из Гонёндза в Радзилов «с целью поисков жилья для родителей мужа, так как она знала, что после ликвидации евреев там осталось свободное жилье». В Радзилове она обнаружила, что «жильем, оставшимся от евреев, распоряжается Годлевский». Она к нему обратилась, чтобы тот дал что-нибудь ее родственникам.

> На это Годлевский ответил: «Меня это не касается». Когда я сказала, что у пана Годлевского четыре дома в распоряжении, а у меня ни одного, он ответил: «Обойдетесь, черт бы вас побрал, ко мне из России должен приехать брат, который при Советах был там в плену, от Советов освобожденный, и ему нужен дом». Когда я снова стала просить жилья, он ответил: «Как надо было евреев ликвидировать, так никого не было, а теперь хотите иметь, где жить». На это остро отреагировала ее свекровь: «Не хотят дать жилье, а внучка моего посылали обливать бензином стодолы»[79].

В данном случае мы являемся свидетелями разговора, исходным пунктом которого, по умолчанию принятым старшей пани, пани средних лет и мужчиной тоже, вероятно, среднего возраста, является убежденность, что право на владение ценным имуществом вытекает из соучастия в убийстве его владельцев.

---

[77] *Mazower M.* Salonica. City of Ghosts. Christians, Muslims and Jews 1430–1950. London: HarperCollins Publishers, 2004. P. 443–444.

[78] *Lizak W.* Z perspektywy ludu // tygodnik Powszechny. 2004. n 45.

[79] Внук рассказчицы, Юзеф Экстович и его товарищ влезли на крышу овина, куда польские соседи до этого согнали несколько сот евреев, и облили его бензином, после чего здание было подожжено. См.: *Żbikowski A.* Pogromy i mordy ludności żydowskiej w łomżyńskiem i na Białostocczyźnie latem 1941 roku w świetle relacji ocalałych żydów i dokumentów sądowych // Wokół Jedwabnego / Red. P. Machcewicz, K. Persak. Warszawa: Instytut Pamięci narodowej, 2002. t. 1. S. 244.

Замечания об убийстве евреев местными жителями

Итак, мы видим, что грабеж еврейского имущества и убийство евреев – два рода деятельности, тесно связанные между собой. Как мы помним из истории, Сталин и Гитлер совершили раздел Польши в сентябре 1939 г., так что тогдашняя граница между СССР и Третьим Рейхом до лета 1941 г. проходила примерно по линии Буга и Сана, разделяя почти пополам территорию довоенного польского государства. Убийство евреев в массовых размерах началось с момента нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 г., так что первая волна убийств на восточном фронте происходила на территории бывшей Польши.

Именно в этих условиях 10 июля 1941 г. жители Едвабне уничтожили своих еврейских соседей. Подобные же преступления имели место летом и ранней осенью как минимум в двух дюжинах местечек близ Белостока[80]. Выяснилось, что польское население, поощряемое немецкими отделами умиротворения, с первого же момента начало принимать участие в истреблении евреев. Документы подполья Армии Крайовой по ходу дела отмечают эти события[81]. Вооруженные группы добровольцев, милиции, созданной в переходный период из местного населения, позже частично вошли в структуры местного управления и созданной немцами полиции. И вплоть до падения власти гитлеровцев украинцы, литовцы, латыши, эстонцы, русские, белорусы или поляки будут составлять персонал вспомогательных формирований, поразному называющихся на разных языках, но везде участвующих в преследовании и истреблении евреев.

Кроме не поддающегося точному определению числа *шуцманов* польского происхождения, работавших в немецкой жандармерии (таким добровольцем стал, например, Ежи Лауданский из Едвабне, один из самых жестоких убийц 10 июля 1941 г., приговоренный послевоенным судом к 15 годам заключения)[82], на территории Генерал- губернаторства так называемая «гранатовая полиция» (granatowa policja – название произошло от цвета формы. – *Прим. перев.*), состоявшая в основном из довоенных полицейских, по оценке Эммануэля Рингельблюма[83], несет ответственность за убийство десятков тысяч евреев. Сверх того, организация, куда входила молодежь старшего возраста, так называемые «Юнаки», или Baudienst («строительная служба»), предназначенная для строительных работ, направлялась на «акции», чтобы присутствовать при вывозе евреев из гетто в лагеря смерти. В подобных случаях значительную часть населения гетто убивали прямо на месте, и молодые поляки принимали в этом участие. Единственное возражение, которое краковский архиепископ Адам Сапега направил генерал-губернатору Гансу Франку по поводу истребления евреев, состояло в просьбе, чтобы немцы перестали использовать для этой цели польскую молодежь из Baudienst. Сверх того,

---

[80] *Machcewicz P.* Wokół Jedwabnego // Wokół Jedwabnego. t. 1. S. 31 i nast.

[81] Вот несколько цитат из рапортов, написанных летом и осенью 1941 г.: «…в ряде мест произошли погромы и даже резня евреев местным польским населением, к сожалению, вместе с немецкими солдатами»; «вступление немецких войск развязало чудовищный террор в отношении евреев, совершаемый войсками со значительным участием местного населения». В подпольных рапортах мы также можем прочесть о занятии поляками должностей во вспомогательных полицейских подразделениях и в местной администрации: «В небольших местечках есть только Hilfspolizei, состоящая из бывших польских полицейских, а также местных поляков и белорусов <…>, магистраты укомплектованы преимущественно поляками»; «в настоящий момент практически все административные посты, кроме руководящих, зарезервированных для немцев, оказались в руках поляков <…>, часть молодежи фашистских убеждений и даже ряд прежних членов национально-освободительных организаций пошли на службу к немцам, формируя отряды милиции». Полную подборку подпольных депеш и донесений о положении в Белостокском воеводстве после 22 июня 1941 г. см.: Wokół Jedwabnego. t. 2. S. 123–154. В особенности см. s. 132, 139, 143, 147.

[82] Wokół Jedwabnego. t. 2. S. 480, 593, 594.

[83] *Ringelblum E.* Stosunki polsko-żydowskie w czasie drugiej wojny światowej. Uwagi i spostrzeżenia / Oprac. i wstęp A. Eisenbach. Warszawa: Czytelnik, 1988. S. 102.

в преследовании и поимке евреев участвовала Добровольная пожарная охрана, причем не в рамках своих основных обязанностей, а на добровольной основе[84].

Дальше к востоку, на территории рейхскомиссариата Украина, в Белоруссии и в странах Балтии, свыше 300 тыс. местных жителей служили в полицейских отрядах, составляя основу аппарата безопасности в тылу Восточного фронта[85]. Именно они в основном и «очищали» территорию от евреев во время второй волны убийств, когда началась ликвидация скоплений еврейского населения в ранее созданных гетто. Помимо истребительных выселений в «Транснистрию» по приказу маршала Иона Антонеску, где десятки тысяч евреев умерли от истощения и голода, на восточном фронте не только немцы, но и румыны организовывали резню евреев, например в Одессе. Облаву 16 и 17 июля 1942 г. в Париже, в результате которой на зимний велодром (Vélodrome d'Hiver) было согнано 13 тыс. евреев, производила французская полиция. Лишь несколько сотен из арестованных в тот раз людей пережили последовавшую депортацию в Освенцим. Во второй половине 1944 г., после занятия Венгрии гитлеровской армией, у власти были поставлены местные фашисты (салашисты), которые приступили к уничтожению еврейских сограждан. В том же году, в ходе молниеносной операции, которую координировал штаб А. Эйхмана, 400 тыс. венгерских евреев были вывезены в Освенцим.

Много ли евреев в оккупированной Европе было убито «местными» – из общего числа 6 миллионов жертв Холокоста? Следует учесть, что, в зависимости от принятых методов подсчета, историки называют числа между одним и полутора миллионами. Сколько евреев было убито согражданами на территории довоенной Польши? Их число можно оценить в несколько сотен тысяч. А сколько евреев было убито согражданами только в коренных польских землях? Исследования на эту тему сейчас еще ведутся, и в ближайшем будущем мы узнаем и эти цифры, пока же число жертв можно оценить в несколько десятков тысяч[86]. Тем не менее для понимания случившегося нужна не столько статистика (наверняка приблизительная), сколько точное знание конкретных событий.

---

[84] В деле Казимира и Винцентия Айхл (первый был постовым гранатовой полиции, а второй – начальником Добровольной пожарной охраны в Венгрове), которым занимался окружной суд в Седльце, имеется следующее признание Игнация Фляги: «Эта охрана была предназначена исключительно для противопожарной деятельности и помощи при наводнениях. Немецкие оккупанты не возлагали на этих стражников других обязанностей и не принуждали их к сотрудничеству при ликвидации еврейского гетто, и тем более не понуждали их искать евреев, хватать их и препровождать к местам заключения или уничтожения… я утверждаю, что все стражники, упомянутые в протоколе моих показаний, “добровольно” принимали участие в розыске евреев на территории еврейского квартала и гетто и отводили их к жандармам или под арест, а также на место казни. я сам в то время исполнял функции охранника, и никто не принуждал меня к участию в этих преступных действиях. Если некоторые стражники во время ликвидации гетто сотрудничали с немцами, то делали это добровольно и в целях наживы» (Archiwum Państwowe w Siedlcach. Sąd Okręgowy. Zespół 1569. Sygn. 652. K. 187). Такие же показания дал охранник Владислав Окулус (Ibid. K. 187). См. также: *Libionka D.* Polska konspiracja wobec eksterminacji żydów w dystrykcie warszawskim // Prowincja noc. życie i zagłada żydów w dystrykcie warszawskim / Red. B. Engelking, J. Leociak, D. Libionka. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii nauk, 2007. S. 454.

[85] *Dean M.* Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine 1941–1945. New York: St. Martin's Press, 2000. S. 60, 70.

[86] См. интервью Барбары Энгелькинг, Яна Грабовского, яцека Леоцяка, Дариуша Либёнки и Алины Скибинской, сотрудников Центра исследований Холокоста Института философии и социологии ПАН: *Pawlicka A.* Spójrzmy prawdzie w oczy. // Wprost. 2011. n 1; *Szczęsna J.* Obrzeża Zagłady. Jak Polska długa i szeroka // Gazeta Wyborcza (Świąteczna). 2011. 08.01; *Okoński M.* Sny o Bezgrzesznej // tygodnik Powszechny. 2011. 11.01; *Zychowicz P.* Chłopi mordowali żydów z chciwości // Rzeczpospolita. 2011. 12.01.

Об убийствах евреев крестьянами Келецкого края

Мы подходим к самому трудному – к тому, что касается непосредственного участия польского населения в убийствах евреев. Как объять этот вопрос и добиться полной правды, касающейся не только приведенных случаев? Сошлемся для этого на статью из № 1 ежегодника «Холокост. Исследования и материалы» (Zagłada żydów. Studia i Materiały), описывающую убийства евреев в районе Кельце. Авторы текста, Алина Скибинская и Якуб Петелевич, проанализировали в с е судебные дела в Келецком воеводстве, возбужденные на основании декрета от 31 августа 1944 г., или так называемые «серпнёвки» (т. е. «августовки»)[87]. «В целом по обвинению в преступлениях, о которых здесь идет речь, перед окружным и апелляционным судом в Кельце предстало свыше 250 лиц. Жертвами их преступлений пало как минимум несколько сотен евреев, скрывавшихся на территории сел и волостей Свентокшиского района»[88].

Историки Холокоста здесь же отмечают, что эти материалы позволяют увидеть лишь верхушку айсберга, поскольку в послевоенной Польше с большой неохотой судили за преступления, совершённые против евреев их согражданами[89]. Тем не менее исследование Скибинской и Петелевича дает нам солидную основу для обобщений, так как авторы этой статьи использовали весь свод данных из очень важного источника. Полученные таким путем сведения они дополнили беседами с сельчанами этой округи. Поэтому нельзя попросту считать их материал «сводом примеров». Оба историка остановились на одной категории источников – судебных делах «серпнёвок», а не, например, на воспоминаниях крестьян или сообщениях выживших евреев, – и исчерпали архивные данные полностью. И на этой основе составили свой рассказ и оценку.

Чему может послужить статья Скибинской и Петелевича, и какие вопросы хотим мы задать в свете представленных нам фактов? Речь идет о том, чтобы провести границу между двумя интерпретациями явления – убийства и грабежей поляками их еврейских сограждан во время войны. Согласно одной из этих интерпретаций, война – это хаос, на который всё можно списать. Люди убивают друг друга, насилие везде и часто приватизируется. Множатся грабежи, и люди утрачивают чувство приличия. А так как вообще в каждом обществе есть свои отбросы, не следует обобщать, наблюдая их поведение. Короче говоря, по этому мнению, упомянутые убийства и грабежи были редкими и ненормальными явлениями, отклонениями от нормы, характерными для так называемого социального дна, которое, разумеется, процветает во время войны. Но возможно, что верна совершенно противоположная точка зрения. Итак, чтобы понять, были ли преступления против евреев действиями девиантов или нормализованной общественной практикой, мы должны **вчитаться в конкретные случаи и точно установить, что же произошло.**

---

[87] Известные примеры исторических исследований на материале «серпнёвок» читатель найдет в уже цитированной двухтомной публикации Wokół Jedwabnego («Вокруг Едвабне»), а также в очередных томах ежегодника Zagłada żydów. Studia i Materiały («Холокост. Исследования и материалы»), издаваемого Центром Холокоста Польской академии наук. У этого центра есть также интернет-страница.

[88] *Skibińska A., Petelewicz J.* Udział Polaków w zbrodniach na żydach na prowincji regionu świętokrzyskiego // Zagłada żydów. Studia i Materiały. 2005. n 1. S. 124. Декрет от 31 августа 1944 г. объявлял преступлением любую форму сотрудничества с оккупантами. В числе прочих, на его основе судили и лиц, соучаствовавших в уничтожении евреев.

[89] Интересные размышления на эту тему можно найти в интервью профессора Анджея Жеплинского «Газете выборчей» от 19.07.2002, а также в его исследовании: *Rzepliński A.* ten jest z ojczyzny mojej? Sprawy karne oskarżonych o wymordowanie żydów w Jedwabnem w świetle zasady rzetelnego procesu // Wokół Jedwabnego. t. 1. S. 353–459. С 2009 г. А. Жеплинский – судья Конституционного суда, с декабря 2010 г. – его председатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.